

Глава 38. Смертельная викторина в день лавины

— Весь подземный ход под ледяной расщелиной пропитался запахом жареного мяса. В том ресторане, порожденном проекцией памяти, я насчитал четырнадцать стульев, хотя в газете за лето тридцатого года черным по белому было написано: на гору взошли пятнадцать человек. Мне стало любопытно — куда же делся последний?

Нин Чжунь говорил буднично, почти лениво.

— Позже, на «поверхности», я спросил об этом Хань Шу. Оказалось, он был в тарелках.

Тон доктора оставался ровным, но от смысла сказанного кровь стыла в жилах, а к горлу подступала тошнота.

— Они съели Хань Шу...

Лицо Сунь Чана приобрело отчетливый мертвенно-зеленый оттенок. Он судорожно хватал ртом воздух, когда страшная догадка пронзила его разум:

— Первая лавина... В ту ночь, когда мы разбили лагерь на месте завала, мне показалось, что у палатки кто-то чавкает. Но я выглянул — и там никого не было...

Ли Цзяньчуань тоже вспомнил тот эпизод. Очевидно, не только он один слышал звуки пиршества. Просто все были настороже и скрывали свои подозрения. Та жуть, с которой они столкнулись на месте лавины, тоже была зацепкой.

Теперь становилось ясно: фальшивый Хань Шу с «изнанки» во время того обеда советовал им не задерживаться и скорее спускаться. Он пытался скрыть улики на месте завала, чтобы игроки не докопались до истины.

— Похоже, те четырнадцать и впрямь потеряли память, — Ли Цзяньчуань помрачнел. — Я видел Линду на «изнанке», она действительно не помнила событий после лавины, и это не было игрой. Но она и Чжао Гуанхуэй, скорее всего, были единственными, кто о чем-то догадывался. Только они двое вели себя странно.

— Они хотели понять, почему стали такими, — подытожил мужчина.

Раньше он лишь смутно представлял, что произошло в тридцать третьем году, и на этом построил сделку с Линдой. Но Ли не ожидал, что Второй уровень загадки окажется столь жестоким из-за событий Первого. Желание выжить — не оправдание для потери человеческого облика. Ли Цзяньчуань не верил, что за пару дней голода те люди могли умереть.

Даже спустя три дня в горах они смогли скрутить и убить Хань Шу — значит, силы у них были. Физически они не находились в безвыходном положении.

Жажда жизни — базовый инстинкт. Чтобы уцелеть, слабая трава пробивает камень, а голодный зверь может съесть своего детеныша. Многие из тех, кто прошел через лишения, говорят: когда на кону стоит сама жизнь, мораль и человечность отбрасываются в сторону. Ради спасения можно пойти на всё.

Жизнь драгоценна. Но драгоценна каждая жизнь, а не только своя, спасенная ценой эгоистичной жестокости.

— Едва оказавшись в этой игре, я задался вопросом: почему именно мы? — произнес Нин Чжунь. — Соседи, одноклассники, соседи по комнате — это было бы привычно. Но группа альпинистов? Почему четырнадцать незнакомцев из разных уголков страны оказались вместе? В игре «Пандора» ничего не случается просто так. Между нами четырнадцатью обязана быть связь.

Тот прямо указал на корень проблемы:

— Не игнорируйте наши личности и Законы. В этом игровом мире время перемешано, зацепки запутаны в клубок, но наши роли и правила — единственная константа.

— Моя роль — юноша со склонностью к самоубийству.

Из кармана доктора выпорхнули пузырьки с таблетками и разрозненные листки записок.

— В своем багаже я нашел массу седативных препаратов и дневники. В телефоне — переписку с психологом. Проверив всё это, я понял: суицидальные наклонности у моего «оригинала» проявились три года назад. То есть сразу после лавины тридцатого года. Те четырнадцать действительно потеряли память. Выбравшись на свободу и осознав — пусть и подсознательно — что они совершили, они заблокировали воспоминания. Но некоторые вещи нельзя просто стереть.

Догадавшись о Законе Чжэн Сяна, Нин Чжунь понял суть Первого уровня. Законом лидера был запрет приближаться к огню. Иными словами — страх перед пламенем. Каждый Закон игрока так или иначе связан с разгадкой. Боязнь огня у Чжэн Сяна не была случайной. Для этого могли быть разные причины, но, почувствовав запах жареного мяса, Нин Чжунь осознал истину: именно Чжэн Сян отвечал за «приготовление» Хань Шу.

С одной стороны — извращенное желание сожрать себе подобного ради спасения, с другой — парализующий ужас перед содеянным, вина и отвращение к самому себе.

Тот же конфликт терзал и «юношу-самоубийцу». Что такое человеческое сердце? Одной рукой

оно в безумии истребляет человечность, а другой — воздвигает памятники невинности и раскаянию. Кровь Хань Шу была на руках каждого из четырнадцати. Его плоть ели все. В тот момент они превратились в демонов, устроивших оргию в аду.

Но когда пришли спасатели, демоны снова стали людьми. И они осознали масштаб своего греха.

Они плакали, бились в истерике, винили себя и ломались под грузом вины. Но никто не вышел и не сказал правду. Они предпочли забыть. Однако содеянное не исчезает вместе с памятью. Подсознание и само тело помнят всё.

Юноша-самоубийца мучился кошмарами и депрессией, не в силах очнуться от каннибальского сна. Се Чаншэн в этой роли стал убежденным вегетарианцем, которого тошнило от одного вида мяса. А богач, доставшийся Ли Цзяньчуаню, тратил огромные суммы на благотворительность и лез на самые опасные вершины — вероятно, веря, что чистота вечных снегов смоеет с него грех.

Что же касается Закона «не открывать глаза с двенадцати до часу ночи», Ли предположил: скорее всего, именно в это время они тогда развели костер и начали свою трапезу.

Мертвых не вернуть. Они знали, что виноваты, мучились и терзали себя, превратив собственную жизнь в пытку. И они, вероятно, верили, что Хань Шу должен их простить.

Так прошли три года — в искуплении или попытках спастись от самих себя. А летом тридцать третьего каждый из них получил приглашение: альпинистская компания «Север-Юг» пригласила их повторить вызов Снежной горе. Спустя три года они снова собрались вместе. Лишившись памяти, они смотрели друг на друга как на чужаков. В лагере они встретили своего лидера — Хань Шу, но не узнали его.

— К тому времени Хань Шу уже завладел магическим ящиком, стал монстром и получил контроль над временем на «поверхности», — анализировал Нин Чжунь. — Но в одиночку он не мог совершить мести и полностью подчинить силу ящика, поэтому заключил союз со Снежной горой. Они совершили сделку.

Ли Цзяньчуань вспомнил три вопроса, которые Нин Чжунь задавал Вратам, и его осенило. Лицо внутри зрачка дернулось, тоже осознав истину:

— Так вот почему ты спрашивал... заключил ли я сделку с одним человеком или с группой?

Собеседник не удостоил его ответом. Ли Цзяньчуань продолжил связывать нити:

— Сцены, что мы видели в ресторане — это проекции памяти Хань Шу. Он никогда не забудет, как его пожирали заживо. А то, что творилось в коридорах за деревянными дверями — подозрения и резня между четырнадцатью — это их собственные кошмары.

— Верно, — кивнул Нин Чжунь.

В тридцать третьем году мечь Хань Шу свершилась. На этот раз он не пошел с ними. Он отправил их одних. Они попали в лавину, тринадцать из них видели труп четырнадцатого, но тело исчезло, а тот человек вернулся живым. Они сочли его монстром и убили в том мрачном коридоре, после чего спустились с горы.

Однако на следующий день они снова встретили его живым. Они снова взошли на гору, нашли второй труп, убили еще одного... затем был третий труп, четвертый... Подозрения и бесконечная резня. Всё в точности так, как рассказывала Линда.

В конце концов Линда решила, что все её спутники мертвы, а те, кто ходит рядом — чудовища. Она вырезала их всех и спустилась вниз. Она заявила в лагере, что выжила только она. Но остальные тринадцать тоже пришли в лагерь и сказали, что Линда погибла в лавине и она — монстр.

Никто не верил в свою смерть. словно ослепленные призраками, они не могли осознать странность происходящего и не пытались уйти. Они замерли в этом противостоянии.

Как разрешился тот спор? Линда и остальные забыли. Но Нин Чжунь узнал правду от Хань Шу. Тогда четырнадцать альпинистов пришли к своему лидеру, чтобы он рассудил, кто жив, а кто мертв. Хань Шу ответил: раз лавина случилась на горе, то только она знает истину. Он предложил попросить Снежную гору о суде.

Гора пробудилась и объявила: семеро из них мертвы, семеро живы. Но она не скажет, кто есть кто. Пусть они сами проголосуют за тех, кто достоин выжить. Если выбор верный — восхождение продолжается. Ошибочный — смерть для всех.

Умирать не хотел никто. Животные сорвали маски добродетели. Каждый верил, что выжил именно он, и голосовал только за себя. Они не знали, что это и был верный вариант. Хань Шу не стал их убивать — он принес их в жертву Снежной горе, превратив в монстров, обреченных на вечные страдания.

Раз ответ был верным, они продолжили восхождение. И продолжают его до сих пор. В этом голосовании не было неверного ответа. Люди, способные съесть своего товарища, никогда не уступят шанс на спасение другому. Они поднимаются, подозревают, убивают, в панике спускаются, а на следующее утро всё повторяется снова.

В этом кошмаре первыми очнулись Линда и Чжао Гуанхуэй. Они пытались разорвать цикл, но обнаружили, что у них нет выбора. Тогда они черпнули силы магического ящика и под прикрытием горы сбежали на «изнанку», превратив её в свои владения. Но даже так они не смогли уклониться от голосования, раз за разом повторяя путь восхождения и смерти.

Так продолжалось до прихода игроков. И даже тогда они подчинялись горе и Хань Шу,

преследуя чужаков. Их задачей было загнать игроков в шестичасовой лимит голосования.

— Проще говоря, — Нин Чжунь подвел итог, — в тридцатом году четырнадцать человек убили Хань Шу. В тридцать третьем Хань Шу собрал их снова для мести, заперев в бесконечном цикле кровавого голосования. События тридцатого года — это Первый уровень загадки. Месть Хань Шу — Второй.

— А Третий уровень, превративший всё это в нынешний хаос — это сама Снежная гора.

Нин Чжунь слегка приподнял бровь. С неподдельным интересом он рассматривал безликую маску внутри зрачка, наслаждаясь мимолетным проблеском страха, исказившим её черты.

— Предыдущие игроки терпели крах, потому что связи между тремя уровнями были слишком запутанными. Обычно они находили только два из них. Более того, в начале расследования все считали гору ключом, но, докопавшись до Первого и Второго уровней, решали, что на этом всё заканчивается. Они упускали из виду роль самой Снежной горы.

— Роль горы? — Сяо Го выглядел совершенно сбитым с толку.

Сунь Чан тоже нахмурился. Только Ли Цзяньчуань и Се Чаншэн выглядели понимающими.

— Во-первых, — начал перечислять Нин Чжунь, — всё началось именно здесь. Во-вторых, «поверхность» и «изнанка» — это лишь зеркальные отражения Снежной горы, породившие разрывы во времени. В-третьих, все проекции памяти Хань Шу и альпинистов находятся внутри неё. И наконец, NPC с «изнанки» выгоняли нас, заставляя голосовать... Глупо было бы верить, что разгадка с ней не связана.

Его взгляд, полный холодного сарказма, скользнул по огромному глазу монстра.

— Я полагаю, что в тридцатом году, когда погиб Хань Шу, магический ящик открылся. Гора и Хань Шу вместе превратились в чудовищ, разделив силу артефакта. Но большая часть мощи досталась Снежной горе. Хань Шу хотел просто убить их всех, но она предложила нечто более изощренное: заставить их страдать вечно, лишив покоя. Хань Шу согласился, и они вместе срежиссировали это голосование смерти.

— Но цель Наблюдателя была иной. Гора знала: как только магический ящик откроется, сюда хлынут сознания чужаков. И чтобы уйти, им нужно будет разгадать тайну. Поэтому она перемешала временные линии, перепутала зацепки, сделав прошлое недостижимым. Она мастерски использовала лазейки в правилах игры, превращая само их соблюдение в ловушку. Одна группа игроков за другой терпела поражение.

— Как и мы прежде, они либо соглашались, либо отказывались от сделки с Вратами, но в итоге оказывались в тупике и начинали истреблять друг друга, чтобы выйти. А те, кто погибал от рук

товарищей, становились добычей для Снежной горы. Их сознания не стирались игрой, а поглощались тобой. Ты рос и становился сильнее, пожирая их одного за другим. А игроки, приходившие сюда, становились всё опытнее.

Сяо Го и Сунь Чан застыли.

— Т-ты хочешь сказать... — пробормотал Сунь Чан дрожащим голосом. — Что монстры в игре знают, что мы — пришельцы? Что это значит? Что вообще такое эта «Пандора»?

Его мозг был готов взорваться от избытка информации. В сознании Ли Цзяньчуаня тоже всплыли какие-то обрывки, но они были слишком туманными, чтобы хватиться за них.

Нин Чжунь, проявив редкое терпение, пояснил:

— Монстры, подобные Снежной горе, пробудившие самосознание ради охоты на игроков, называются Наблюдателями. Они способны отличать сознание чужака и используют его как топливо для собственного роста. Едва став монстром, гора поняла, что придут игроки, и использовала Хань Шу, чтобы создать этот лабиринт, сбивающий с толку.

— Только когда игроки теряют интерес к истине и начинают убивать друг друга, создаются условия для поглощения сознания. В обычном случае, когда игрок погибает, его дух просто рассеивается, и монстры не могут его перехватить. Наблюдатели — это аномалия. И именно из-за того, что Снежная гора эволюционировала в Наблюдателя, сложность игры взлетела до небес.

Тот мигнул.

— Изначально для победы, скорее всего, нужно было просто разорвать цикл восхождения. Но Наблюдатель в рамках правил запутал следы и воздвиг массу препятствий. Вот почему здесь полегло столько народу.

Ли Цзяньчуань не ожидал, что причина такой сложности окажется столь невероятной. Монстры с самосознанием, устраивающие засады на гостей из реальности... Это было за гранью понимания. Но тут он вспомнил об одной детали:

— Эти Наблюдатели... Они ведь не часто встречаются?

— Нет, — Нин Чжунь посмотрел на Ли Цзяньчуаня.

В глубине его глаз заплескались волны эмоций, которые тут же утикли. Он опустил взгляд и тихо усмехнулся:

— Это мне не повезло попасть в такой расклад. Наблюдатели — редкость. За всё время я встречал такого лишь однажды. Это второй раз. Игры с их участием почти невозможны для прохождения: они сделают всё, чтобы, не нарушая прямых правил и не уничтожая зацепки, отвести твой взгляд от истины, запутать мысли и заставить усомниться в себе. Рядовые игроки с ними не сталкиваются. Обычно это случается там, где большинство участников — владельцы магических ящиков. Тогда шансы встретить Наблюдателя растут. Разумеется, и награда за такую победу куда выше.

Лицо внутри зрачка всё еще билось в попытках оправдаться:

— Это лишь твои догадки...

— Не терпится признать поражение? — Нин Чжунь сохранял спокойствие. — Тогда давай посчитаем твои промахи.

— Первый — то стихотворение у входа на лестницу. Раньше оно казалось туманным, но теперь ясно: это намек на убийство Хань Шу. «Мрачный ужин странников» — очень точный образ. Но если взглянуть иначе, это стихотворение видим только мы. Значит, странники — это игроки, а ужин — это мы сами для тебя.

— Это лишь одна интерпретация.

— Перейдем ко второму. Первая дверь — эти самые Врата из плоти и крови. Проходя через них, я почувствовал неладное. Врата создали моего двойника из другой временной линии. Время здесь было искажено. Перед второй дверью игроки должны были столкнуться с самими собой из прошлого, попав в замкнутый круг. И вторая дверь, проекция памяти игрока... Вот тут ты и выдал себя окончательно.

Нин Чжунь оскалился в улыбке:

— Ты был слишком глуп. Проекция моей памяти лишь доказала, что ты уже знаешь — мы игроки. Все прочие странности можно списать на особенности этого мира. Но не память игрока. Эта вторая дверь была твоей роковой ошибкой. Лишним движением, которое тебя и погубило.

— И третье — твое поведение после того, как мы тебя нашли. Ты твердил о побеге, но изо всех сил подталкивал нас к резне. Я не был уверен до конца. Но когда ты среагировал на сознание Чжэн Сяна — все сомнения отпали. Смерть Хань Шу, цикл четырнадцати и истинная сущность Снежной горы. Три уровня, три ключа. Без любого из них пазл не сложится. Я ведь прав, господин Наблюдатель?

В черно-белом мире воздух, казалось, застыл. Наступила удушающая тишина. Среди этого гнетущего безмолвия Врата ледяным тоном произнесли:

— Хань Шу предал наш уговор.

— Я убедил его, — парировал Нин Чжунь. — Он хотел мести, но ты совратил его. Он давно раскаялся и хотел либо просто убить их, либо отпустить, чтобы их судил человеческий закон. Он говорил с тобой об этом, но ты отказал. Ты первый нарушил сделку.

— Ты обещал, что он сам выберет способ мести, — проскрежетали Врата.

— Он хотел спустить их вниз, вернуть им человеческий облик и отдать под суд... Наивный человечиска! Снег укрыл всё. Нет ни одной улики. Даже если они сойдут с ума или станут монстрами — они никогда не признают его смерть. Они никогда не скажут правду!

Монстр язвительно расхохотался, и его смех был полон яда:

— Отпустить их? Без свидетелей и доказательств даже Бог не сможет их осудить! Я сомневаюсь, что те мозги, которые из него выковыряли, вообще отросли заново... Быть милосердным к врагу — значит быть жестоким к себе. Они бы не раскаялись и не понесли наказания. Он грозился убить их, но если бы он мог — разве согласился бы на мою сделку? Он всего лишь трус!

В помещении воцарилась тишина. Каждому было не по себе. После того как загадка была раскрыта, черно-белые краски начали медленно таять. Нин Чжунь завершил «Вакуумное время».

Се Чаншэн и Ли Цзяньчуань одновременно бросились в атаку. Лишившись покрывала тайны, Врата потеряли и часть своей силы. Топор Ли Цзяньчуаня с хрустом разрубил плоть. Огромное, залитое кровью глазное яблоко покатило по полу. Из недр врат выскочил черный ящик и упал прямо в руки Ли — на вид этот магический ящик ничем не отличался от первого.

Ли Цзяньчуань уже собирался передать артефакт Нин Чжуню, как вдруг сердце кольнуло недоброе предчувствие. Резко обернувшись, он увидел, что в разрушенном глазу на полу бесшумно проступило лицо — гладкое, без единой черты. Но стоило Ли взглянуть на него, как на этой белой маске мгновенно прорезались глаза, нос, тонкие губы. Доля секунды — и перед ним было его собственное лицо.

Ли Цзяньчуань встретился взглядом со своим двойником. Сознание в тот же миг словно провалилось в черную дыру, поглощающую свет. Его тело будто облепили слои липкой, вонючей крови. На миг ему показалось, что он сам заперт внутри этого окровавленного глаза и смотрит на мир через багровый зрачок.

Он увидел самого себя, стоящего рядом с Нин Чжуном. Тот Ли Цзяньчуань держал магический ящик и как раз собирался отдать его доктору. Почувствовав взгляд, двойник обернулся, и на его холодном лице проступила жуткая, неестественная ухмылка.

Мужчину прошиб холодный пот. В это же мгновение внезапно раздался голос Се Чаншэна:

— Вакуумное время!

В ушах отозвался невыносимый звон, который мгновенно выдернул сознание Ли обратно. Он вздрогнул, приходя в себя в собственном теле. На полу лежал разрубленный зрачок. Лицо внутри него, точь-в-точь как у Ли Цзяньчуаня, злобно уставилось на него, а затем начало плавиться, превращаясь в гнойную лужу.

— Наблюдатели обожают такие трюки, — Нин Чжунь тонко улыбнулся. — Хорошо, что мы подстраховались. В «Вакуумном времени» не действует ничего, даже способности монстров. Он пытался воздействовать на тебя своим методом, но время отсекло эту связь.

— И что бы он сделал? Пожрал бы мое сознание? — Ли Цзяньчуань выдохнул, переводя дух.

— Нет. Он хотел попробовать заменить тебя, — пояснил Нин Чжунь. — Занять твое место, чтобы сбежать из этого мира в нашу реальность. Но это невозможно.

Се Чаншэн завершил Вакуумное время. Поблагодарив его, Ли передал ящик Нин Чжуню и заметил:

— Получается, только Наблюдатели осознают существование игроков. Значит, только они могут помышлять о побеге, а обычные монстры — нет.

Пространство вокруг начало рушиться. Ли Цзяньчуань вдруг спросил:

— А хоть одному Наблюдателю удавалось сбежать?

Нин Чжунь принял магический ящик, но не успел ответить — силуэт Ли первым рассыпался искрами. Следом исчезли Се Чаншэн, Сунь Чан и Сяо Го.

Тишина вернулась в заброшенный коридор. На пропитанных кровью досках, казалось, всё еще слышался свист далекой метели. В воздухе стоял тяжелый запах железа. Мужчина задумчиво вертел в руках артефакт, слушая предсмертный хрип, доносящийся из останков зрачка:

— В тебе... есть сила подобных мне. Мы с тобой... одной крови...

Нин Чжунь обернулся и, подняв ногу, медленно, почти с наслаждением, принялся раздавливать остатки глаза каблуком, пока тот не превратился в кашу. Кровавые брызги стекали по его одежде, а в глубине его глаз застыла непроглядная тьма.

— Нет. Мы разные, — он негромко рассмеялся. — Меня любят. А тебя — нет.

<http://bllate.org/book/15871/1444269>